

Романы о бандитской любви

ВЛАДИМИР
КОЛЫЧЕВ

Я ПРОМАЗАЛ –
ОПЕР НЕТ

МОСКВА
2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К60

Колычев, Владимир Григорьевич.

К60 Я промазал — опер нет / Владимир Колычев. — Москва : Эксмо, 2019. — 384 с.

ISBN 978-5-04-100929-8

Капитан милиции Петрович, несмотря на свой богатый опыт, не мог припомнить такого криминального беспредела. Черногайск в одночасье захлестнула волна профессионально исполненных убийств. На первый взгляд, они никак не были связаны между собой. Но по мере того, как капитан проводил расследование, один за другим начали всплывать любопытные факты. Например, выяснилось, что всех этих людей убрал один и тот же киллер. И что жертвы не так давно ездили на экскурсию в Москву — в составе одной группы...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Колычев В. Г., 2019
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-100929-8

часть первая

глава 1

Разлапистый кряжистый дуб, немолодой уже, но еще и не старей, снисходительно возвышался над прахом своего прародителя — толстокорого, местами обугленного и целиком усохшего колосса, поверженного временем с помощью ветров и молний. На смену старому генералу пришел новый — молодежавый, стройный и сильный. Прочные тугие ветви, усыпанные свежей с глянцем листвой, мощный, в два-три обхвата ствол, основательно стоящий на крепких, глубоко и широко вросших в землю корнях. И формой своей дерево напоминало дубовый лист — символ генеральской власти.

Генерал без адъютанта все равно что звезда без погона. Поэтому лесному начальнику прислуживал молодой дубок с прямым стволом и ровными ветками, кроме одной, дугой изогнутой книзу — казалось, дерево подбоченилось в стойке «смирно». Справа от генерала, чуть ниже на склоне холма, по стойке «вольно» шептались меж собой три статных дуба с военной выправкой. Старшие офицеры.

Мне до генерала далеко, но просто майором должен стать этим летом. Уже два месяца, как испол-

няю обязанности начальника отдела уголовного розыска, вот-вот в кадрах должны подписать один приказ, ликвидирующий приставку «врио», а со временем и другой — о присвоении очередного звания. Не так давно мне исполнилось тридцать шесть лет, не молод я уже, поэтому, можно сказать, карьерная справедливость немного припозднилась. Но все же быть мне майором, потому я весело подмигнул трем «старшим офицерам» из свиты дуба-генерала. Хорошо, что по лесу я бродил в одиночестве — никто не видел, с кем я перемигиваюсь, а то бы последовали нелестные для меня оргвыводы по поводу моего душевного здоровья.

Сам я ничего крамольного в своих наблюдениях и сравнениях не видел. Что лес, что мир людей — одна природа. Вот рядом с «генералом», слева от него высится березка, модница с равномерно-пышной, но короткой сверху и снизу кроной, как будто зеленое мини-платье с глубоким декольте надела, видно, как снизу белеют длинные «ноги», а сверху — «плечи», прикрытые длинными гибкими ветками «волос». Ствол-стан тонкий, ровный, но с легким волнующим изгибом. Нескромная лесная красавица с непростым характером. Не зря ее ветви раскинуты широко — как будто на пути к генералу она расталкивала локтями своих конкуренток, таких же белоствольных, но более скромных красавиц, что теснились у подножия холма. Шелестят на ветру, шушукаются, обсуждают выскочку, занявшую место возле генерала. Впрочем, у них был выбор. Хоть и не на холме, но все же особняком важную позу занимал зрелый ясень с крепким осанистым стволом, но дряблой, замшелой снизу корой.

Лесной чиновник высокого ранга, вокруг которого в подобострастном поклоне стояли секретари-осины, они угодливо тянули ветви к своему начальнику — напоказ заносили в блокноты его ценные указания. Были здесь и просители — согнутые в поясе деревья с чахлыми кронами.

Но непросто будет красавицам-березкам подобраться к лесному правителю. Раскидистая сосна с кривым стволом напоминала мне хулигана с душой рубахи-парня. Казалось, что в длинных, разведенных в сторону ветвях он растягивает мехи веселой гармонии. Рядом с ним две елочки, ветви робко прижаты к стволам, макушки покорно склонены перед чужой силой. Елочки-трусихи, пугливо взирающие на лесного охальника. Сейчас он матерные частушки орет, а потом, разыгравшись, и пнуть может. Но не только его стоило бояться березкам. В глубине леса хоронились разлапистые кедры с мрачными темнохвойными кронами, настоящие лесные разбойники. Эти могли как ограбить, так и надругаться. И хорошо, что их стволы оплетают кусты можжевельника, будто в кандалах их держат, чтобы не нарушали они мирный уклад лесной жизни. Но не всякого разбойника удержишь на цепи...

Лес уже оправился после зимней спячки, приоделся, прихорошился — глаз и обоняние радовала молодая листва, под ногой мягко пружинила ярко-зеленая травка. И дышится не просто легко, казалось, что вместе с воздухом в легкие поступает бодрящая энергия майского леса.

Мне нравилось бесцельно бродить по лесу, без ружья, без фотоаппарата, вне времени. Только так можно было и сил набраться, и запастись ими

впрок. И еще хотелось освободиться от грустных дум, на которые наводила прожитая жизнь. Вроде бы все неплохо у меня; в прошлом — весомый багаж раскрытых дел, в будущем — повышение сначала в должности, затем и в звании. Мне уже тридцать шесть лет, в этом возрасте я мог бы уже носить погоны полковника, но мысль об упущенной карьере меня не очень беспокоила. Каждому свое. Для полноты ощущений мне хватало доброго имени в настоящем и майорской звезды — в недалеком будущем. А тяготили меня незаполненные пустоты в личном пространстве.

Я еще не изнывал от чувства одиночества, но все чаще ловил себя на мысли, что никому в этой жизни больше не нужен. В молодости я категорически не желал обзаводиться семьей: и свободу не хотел терять, и бытом себя обременять. Легко заводил подружек, также просто расставался с ними и еще радовался как тот глупец, мнящий себя великим мудрецом. Но со временем эта легкомысленная система порочных удовольствий стала давать сбой.

В двадцать шесть лет меня впервые бросила девушка. Не я ушел от нее, а наоборот. Это был хоть и небольшой, но все же удар по моему самолюбию. Как сбитый летчик, я спустился на землю на парашюте, сотканном из воспоминаний о славном прошлом, осмыслил свою ошибку и снова поднялся на боевую высоту. Победа за победой, и так три года, пока меня снова не бросили. Отчаиваться, конечно, я не стал, и после поражения снова последовала череда победных завоеваний. Правда, длилась она недолго.

Тридцатилетний юбилей я праздновал в одино-

честве, потому что моя девушка ушла к мужчине, более успешному, как она сказала, и состоятельному. Я попытался найти ей замену, но прежде чем смог заполнить пустоту в своей постели, несколько раз потерпел фиаско. Красивые молодые девушки, как назло, не желали со мной знакомиться, отчего я стал терять уверенность в себе. Может, потому и перешел на менее молодых и красивых...

А в прошлом году случай свел меня с двадцатилетней красавицей. Большой любви, может, и не было, но ради нее я готов был сунуться к черту на рога. И сунулся — прошел через ад атомного полигона. Вернулся с победой, но узнал, что Арина живет с другим. Правда, она меня отблагодарила — подарила целую ночь, но утром ушла и больше не возвращалась. Может, я и нравился ей, но у нее был выбор — или я, нищий капитан милиции, или успешный бизнесмен при солидных деньгах. Она выбрала второе... Почти год прошел с той поры, но я так и продолжал оставаться в одиночестве. Все женщины как сговорились, куда ни сунься, везде отпор — то мягкий, то жесткий, но везде категоричный, как шлагбаум поперек дороги. Возможно, в некоторых случаях они говорили «нет» с дальним прицелом на «да». Но я не настаивал, легко сдавал позиции, потому и терпел поражения одно за другим. А все потому, что не хватало уверенности — ни в себе, ни в завтрашнем дне вообще. Тридцать шесть лет мне, я одинок и даже не с кем создать семью. А ведь уже появилось желание обзавестись и женой, и потомством.

Может быть, я напоминал капитана, который решил исправить ложный курс после того, как его

судно село на мель. Нужно было выправить курс, снова встать на ход, пройти путь и бросить швартовы в надежной гавани, но беда в том, что не хотелось барахтаться, пытаюсь сорваться с крючка одиночества. И все чаще возникали ассоциации с зэком, который после многих лет заключения не хочет выходить на волю. Все стремился к личной свободе, но вдруг оказалось, что мне она вовсе не нужна. Я заточил себя в тесной раковине и теперь боялся из нее вылезать. И все потому, что мне вдруг стало катастрофически не хватать уверенности в себе, и я уже чурался того, о чем раньше думал с упоением. Если раньше женщины представлялись мне жертвами, то сейчас я больше видел в них хищниц, способных если не прокусить заточенным зубом, то как минимум уязвить острым языком... Может, потому я и подался сегодня в лес, чтобы отдохнуть от службы и окислить грустные мысли кислородом чистого воздуха.

Может, потому и направился к могучему генеральскому дубу, чтобы, прижавшись к нему спиной, напитаться его здоровой энергией. А заодно и красавицу-березку обниму. Вот уж она точно не скажет «нет», и еще подбодрит, пробудит во мне уверенность, которой мне сейчас так не хватает...

Я продирался через овраг, поросший колючим кустарником, когда услышал шум двигателя. По лесной дороге, скрытой спинами кедров-разбойников, проезжал автомобиль. Я даже успел увидеть, как он мелькнул за деревьями. Но смог определить только его примерную скорость, но никак не марку. Возможно, это был грузовик, но мне больше казалось, что это легковушка.

Я насмешливо сощурил глаза и несильно похлопал себя ладонью по лысине. Ну какая мне, спрашивается, разница, что это была за машина? Я же просто гуляю по лесу, отнюдь не безлюдному. Конец мая, погода превосходная, уставший от долгой зимы народ стремится на природу. Может, я слишком далеко уехал от города, чтобы веселые и теплые компании попадались мне на каждом шагу. Но все же здесь можно было столкнуться и с охотниками, и с такими же бестолковыми бродягами, как я. К тому же речка здесь где-то рядом, может, рыбаки возвращаются домой... Именно возвращаются, потому что машина ехала в сторону города. Но мне-то какое до нее дело? А никакого! Забота у меня сейчас одна — празднично шататься по лесу и нагуливать себе радость тихого бытия.

Я поднялся на холм, где свили себе семейное гнездо лесной генерал и бедовая березка. Подошел к дубу, обошел его, прижавшись к нему сначала боком, а затем спиной. Закрыв глаза, медленно сполз вниз по стволу, сел на ворох прелой прошлогодней листвы, чуть влажноватой после недавнего дождя. И физически ощутил, как жизненная сила просачивается через одежду и кожу, впитывается в кровь, растекаясь по телу. Может, я внушил себе этот прилив энергии, но настроение улучшилось вполне осязаемо.

Но еще я почувствовал, как влага земли впитывается в ткань моих брюк, дискомфортно холодит седалищный нерв. Пришлось открыть глаза и подняться на ноги. Да и к березке уже, пожалуй, пора.

Обернувшись к белоствольной красавице, я скользнул взглядом по зеленой полянке, вид на ко-

торую открывался с вершины холма. Неплохое место для отдыха: с одной стороны, за ивовым подлеском, текла небольшая речка, с другой — природной изгородью тянулась кустарниковая поросль шиповника, малины, жимолости. Сухо на полянке, трава невысокая, но густая и плотная. И еще к ней со стороны леса выходила грунтовая дорога.

Я не удивился, когда мой взгляд выхватил бирюзового цвета внедорожник, туристическую палатку, дымящийся костер возле нее. Но меня сейчас больше волновало свидание с березкой, чем отдыхающие на полянке люди. Я подошел к ней, обнял ствол. И уже собираясь закрыть глаза, снова глянул в сторону однопалаточного лагеря. Тихо там, людей нет — может, рыбачат они в прибрежном подлеске, потому и не видно их... Пусть делают что хотят, а я покрепче прижмусь к дереву...

Хотя нет, есть человек. Все-таки мой глаз смог зацепиться за зеленую куртку, из-за своего цвета сливающуюся с травой. Она не просто валялась, а была надета на человека, который лежал на земле в нескольких шагах от костра. Лежал, раскинув руки и зарыв голову в траву. Лежал как-то естественно для просто отдыхающего человека... Я ощутил, как напряглось сознание, завибрировали нервы, а зарядное устройство, через которое в меня поступала энергия природы, встало на блокировку.

Не так давно с этой полянки на приличной скорости выехала машина. Она могла отправиться в ближайшее село за продуктами, возможно, увезла кого-то из отдыхающих домой. Можно было придумать массу подобных версий, да я бы и не стал забивать ими голову, если бы не тело человека, без-

жизненно лежащего в траве. На машине мог уехать убийца. Эта мысль восклицательным знаком вонзилась в мое сознание, и я чуть ли не бегом направился к подозрительному месту.

Я спустился с холма и на добрую сотню метров приблизился к поляне, но вместе с тем выпустил ее из виду, потому что на пути у меня встала стена кустарника. Пришлось продирааться сквозь нее. Одет я был и по погоде, и по среде обитания — резиновые сапоги на толстой упругой подошве, свитер с воротом под брезентовой ветровкой. Кустарник оказался низким, и колючие пружинистые ветки не доставали до моего лица, а плотная ткань моей одежды легко сглаживала хлесткость их щелчков.

Я уже почти преодолел это несложное препятствие, когда увидел мертвую женщину. Она лежала под кустом дикой малины, устремив к небу испуганные глаза. Grimаса ужаса навеки застыла на ее немолодом уже лице, рот был искривлен, с губ стекала кровь. Свежая кровь, уже свернувшаяся, но еще не затвердевшая. И труп еще даже не начал коченеть.

Красная куртка на женщине была распахнута настежь, а на бежевой кофточке растеклась кровь — в центре этого страшного пятна темнели сразу две небольшие дырочки. Первая пуля попала в сердце, и жизнь оборвалась в один миг. Второй выстрел оказался таким же точным...

Примятая трава еще не успела вернуться в обычное свое состояние, и я увидел путь, который проделала женщина от палатки. Она бежала к спасительным, как ей, видимо, казалось, кустам, но

убийца нагнал ее. В конце концов она поняла, что ей не уйти, с ужасом в глазах развернулась к нему лицом, и он, не раздумывая, выстрелил. И тут же снова нажал на спусковой крючок. А может, сначала жертва упала, а потом был произведен контрольный выстрел... Ничего, эксперты разберутся. А мне нужно было идти дальше.

Зеленая куртка, которую я заметил издалека, принадлежала мужчине. Он лежал на животе, уткнувшись лицом в траву. Руки раскинуты в стороны, ноги разведены — в таком положении парит в небесной высоте профессиональный парашютист, чтобы увеличить планерность своего тела. В затылке нетрудно было заметить пулевую скважинку, из которой не так давно хлестала кровь.

Еще один труп я обнаружил у входа в палатку. Вот когда меня тряхнуло изнутри от возмущения и злости. До сих пор человек, застреливший мужчину и женщину, воспринимался мной как нечто абстрактное, а сейчас я думал о нем как о редкостном подонке, которому нет места на земле. Своими руками бы эту сволочь задушил. Если бы представилась такая возможность...

Этот ублюдок убил девочку лет десяти. Белокурый ребенок лежал на спине, двумя руками прижимая к себе голубоглазую куклу с белыми бантами. Во лбу темнела небольшая дырочка, прикрытая локоном слипшихся от крови волос. Стиснув зубы, я наклонился к ребенку, приложил пальцы к щеке, которая, как я и предполагал, еще не успела остыть. Рука моя дрогнула, и я неосторожно задел куклу. «Я — Маша!» — звонким, с китайским акцентом голосом сообщила она. В голове треньк-

нул колокольчик, сгущающимся эхом отозвался залистый детский смех, ухнул сыч, гавкнула убегающая собака... Психику мою трудно сломать, но можно выгнуть в сумеречную полусферу. Надо было что-то делать, чтобы ослабить давление на нее. И я уже знал чем себя занять...

Моя машина находилась далеко, пока дойдешь до нее, пройдет не меньше получаса. А рядом с палаткой стоял старенький «Опель» с мятым задним крылом.

Но прежде чем направиться к машине, я инстинктивно вынул из кобуры табельный «ПММ».

Я не охотник, и ружье с собой не брал. Но пистолет прихватил — и чтобы дома без присмотра не оставлять, и на всякий случай, который, увы, наступил.

Понятно, что убийца уже скрылся с места преступления. Но ведь я мог ошибаться, и тогда он, возможно, где-то рядом. К тому же пистолет в руке послужил мне громоотводом, в который ушел излишек злости. Оружие настраивает на агрессивный лад, но оно же и успокаивает, примерно так же, как и погоня.

С пистолетом в руке я осторожно подошел к машине, открыл дверь в надежде увидеть ключ в замке зажигания. Но его не было, поэтому мне пришлось вернуться к трупу мужчины. Я склонился над ним, аккуратно исследовал карманы куртки, нашупал и вынул ключ, вернулся к автомобилю.

Только взялся за дверную ручку, как откуда-то из прибрежных кущ вышла плотного сложения девушка лет двадцати. Быстрая, порывистая, энергич-